

С Е Р И Я
С О Ц И А Л Ь Н А Я
Т Е О Р И Я

SOCIOLOGY

BEYOND

SOCIETIES

Mobilities

for the twenty-first century

JOHN URRY

Routledge

LONDON AND NEW YORK

СОЦИОЛОГИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОБЩЕСТВ

*Виды мобильности
для XXI столетия*

ДЖОН УРРИ

*Перевод с английского
ДМИТРИЯ КРАЛЕЧКИНА*

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2012

УДК 316.4
ББК 60.5
У71

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор
ЯКОВ ОХОНЬКО

- Урри, Дж.**
У71 Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия [Текст] / пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 336 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0824-4 (в пер.).

В настоящей работе ведущий британский социальный теоретик Джон Урри утверждает, что традиционное основание социологии — исследование общества — утрачивает свое значение в мире, где происходит постепенное стирание границ. Если социология намерена внести свой вклад в понимание «постсоциетальной» эпохи, она должна забыть о жестких социальных конструкциях, существовавших до наступления глобального порядка, и сосредоточить внимание на различных видах физического и виртуального движения и перемещения. Предлагая такую «социологию мобильностей», Урри рассматривает путешествия людей, идей, образов, объектов, посланий, мусора и денег через международные границы и анализирует влияние, оказываемое такими «мобильностями» на восприятие времени, пространства, жизни и гражданства.

УДК 316.4
ББК 60.5

Authorised translation from the English language edition published
by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group

ISBN 978-5-7598-0824-4 (рус.)
ISBN 0-415-19088-6 (англ.)

© 2000 John Urry
All rights reserved.
© Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом Высшей школы
экономики, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ.....	8
I. ОБЩЕСТВА.....	9
II. МЕТАФОРЫ	37
III. ПЕРЕДВИЖЕНИЯ	76
IV. ЧУВСТВА.....	116
V. ВИДЫ ВРЕМЕНИ	154
VI. МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ.....	190
VII. ГРАЖДАНСТВА	231
VIII. СОЦИОЛОГИИ	269
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	302
ЛИТЕРАТУРА	305

Посвящается Ричарду Урри

Мне кажется, что я бы всегда чувствовал себя хорошо там, где меня сейчас нет; и вопрос о переезде туда — вот что я обсуждаю непрерывно в беседах с моей душой.

Шарль Бодлер

Суть человеческого естества — в движении. Полный покой означает смерть.

Блез Паскаль

«Самость» это мало, но она не изолирована, а встраивается в сложную и мобильную, как никогда, ткань отношений.

Жан-Франсуа Лиотар

БЛАГОДАРНОСТИ

Я чрезвычайно признателен Грегу Майерзу, Филу Макнагтену, Брону Зерзински и Марку Тугуду за комментарии, а также их недавние работы, ставшие для меня источником вдохновения, и за сотрудничество в исследованиях. Я благодарен и ESRC за финансирование исследования: грант R000236768. Я также признателен за комментарии к одной или нескольким главам книги или за соответствующие статьи Нику Аберкромби, Эрику Дарье, Энн-Мэри Фортгер, Саре Франклин, Скотту Лашу, Джону Ло, Майку Майклу, Дорин Масси, Энн-Мэри Мол, Эндрю Сейеру, Мими Шеллер, Элизабет Шоув, Джеки Стейси, Сильвии Уолби и Джеймсу Уикэму.

Необычайно плодотворным для меня было научное руководство следующими докторантами в Ланкастерском университете в 1990-х годах, работы которых так или иначе оказали влияние на эту книгу: Кристофом Армбрустером, Булентом Дайкеном, Саоло Квернером, Моникой Деген, Тимом Иденсором, Кевином Хедерингтоном, Нилом Луисом, Ричардом Шарпли и Кэтлин Салливан.

Следует отметить, что большинство примеров, рассматриваемых в этой книге, относятся к тому, что я называю Северо-Атлантическим регионом; смысл этой отсылки к океану, пересекаемому морскими судами и самолетами, кабелями и спутниками, должен стать очевиден по прочтении книги.

Я очень признателен за поддержку в работе над этой книгой Эми и Томасу Урри.

Джон Урри
Ланкастер, март 1999 г.

I. Общества

На современном этапе человеческой истории сеть социальных отношений покрывает весь мир, абсолютных нарушений ее непрерывности нет нигде. Это ведет к затруднению..., которое состоит в том, чтобы определить значение термина «общество»... Если мы говорим, что предметом наших исследований и сравнений являются человеческие общества, то мы должны быть способны сказать и что они представляют собой в действительности.

А.Р. Рэдклифф-Браун [Radcliffe-Brown, 1952, p. 193;
Рэдклифф-Браун, 2001, с. 224]

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге я намереваюсь разработать категориальный аппарат, пригодный для социологии как «дисциплины» на пороге нового столетия. Я собираюсь предложить манифест социологии, изучающей различные виды мобильности людей, объектов, образов, информации и отходов, а также сложные взаимосвязи между ними и социальные последствия этих разных типов мобильности. Отсюда и подзаголовок этой книги, который указывает, что это и исследование видов мобильностей в новом столетии и для него.

Я показываю, как разнообразные виды мобильности преобразуют исторически сложившийся предмет социологии в ее «западном» варианте, который был направлен на изучение отдельных обществ и их основных характеристик. Я фокусирую свое внимание на том, как развитие различных глобальных «сетей и потоков» подрывает эндогенные социальные структуры, которые, как предполагалось в социологическом дискурсе, обладают способностью воспроизводить самих себя. Я ставлю под вопрос понятие социального как общества и хочу показать, что каково бы ни было его значение в прошлом, в будущем оно не сможет играть сколько-нибудь существенной роли в качестве организующего понятия социологического анализа. Я пытаюсь разрабо-

тать новую повестку для социологии и выступить с манифестом по ее перестройке в эту «постсоциетальную» фазу.

В будущем понятие общества будет особенно широко применяться теми могущественными «национальными» силами, которые пытаются усмирять, контролировать и регулировать мощные сети и потоки, пересекающие их проницаемые границы. Новые правила социологического метода затребованы видимым упадком власти национальных обществ (независимо от того, действительно ли мы живем в глобальном обществе), до настоящего момента составлявших контекст социологических исследований. Коль скоро этих сильных обществ больше нет, я попытаюсь установить, какие новые правила социологического метода и теории могут оказаться пригодными в данных условиях. В частности, я собираюсь затронуть некоторые материальные трансформации, которые изменяют суть «социального». Особенно это коснется тех различных мобильностей, которые посредством множественности чувственных данных, воображаемых путешествий, движения образов и информации, виртуального и физического перемещения видеоизменяют на материальном уровне «социальное как общество», превращая его в «социальное как мобильность».

Против этих тезисов можно выдвинуть три аргумента. Во-первых, часто говорится, что общество никогда не было центральной категорией социологии, что были и другие понятия, такие, как значимое действие, противопоставленная структуре деятельность (agency), интеракция или миросистема. Во-вторых, утверждается, что общества все еще не утратили своей силы и что национальные государства способны предпринять важные действия в области как внутренней, так и внешней политики, чтобы сохранить существующие паттерны власти. В-третьих, доказывается, что, поскольку «глобализация» подрывает сами основы социологии как отдельной дисциплины, утрачивающей свое центральное понятие — общество, постольку социологии, и не остается ничего иного, как поставить нечто на его место, дабы не завянуть вовсе.

Возражением на эти доводы могла бы стать прежде всего демонстрация того, что в странах Северо-Атлантического региона социология исторически была организована вокруг дискурса об «обществе» и, следовательно, зависела от условий, которые поддерживают их характерную структуризацию (таких, как функ-

циональная интеграция, социальный конфликт или базис и надстройка). Такая социетальная структуризация была связана с представлениями о том, что такое член или гражданин данного национального общества и что такое отдельные социетально гарантированные права и обязанности гражданства.

Далее, мобильности, вовлекающие бесчисленное множество различных технологий и объектов, проблематизируют возможности общества. Я покажу, как и в какой степени «социальная управляемость» поставлена под вопрос мобильностями, организованными в сложно структурированных временных и пространственных координатах. Целью данного анализа является решение вопросов, действительно ли такие виды мобильности подрывают социетальные границы и каковы степени и формы их проницаемости. Осмыслить такие мобильности сразу не удастся, для этого, возможно, придется использовать различные метафоры движения, в особенности метафоры сетей и потоков.

Кроме того, мобильности, пересекающие социетальные границы так, что само их проникновение образует неожиданные пространственно-временные паттерны, создают возможность новой большой повестки для социологии. Это повестка мобильности. Здесь и заключена ирония. Социология XX в. в значительной мере сводилась к изучению профессиональной, экономической, образовательной и социальной *мобильности*. В определенном смысле британская социология исходила из допущения, что различные коэффициенты вертикальной мобильности, фиксируемые для разных поколений или на протяжении нескольких поколений, являются центральным вопросом для социологической корпорации. С небольшой натяжкой можно даже заявить, что социология всегда считала мобильность своим «основным делом». Та формулировка, которую я буду разрабатывать в настоящей книге, предполагает, однако, несколько расхождений с этим характерным для социологии XX в. видением, центральным элементом которого выступает социальная/социетальная мобильность.

Очевидно, что мобильность считается как географическим, так и социальным феноменом. Во многих работах по проблемам мобильности общество рассматривалось как однородная поверхность, и исследователям не удавалось зафиксировать моменты географического пересечения региона, города и места с социальными категориями класса, гендера и этничности. В то

же время социология миграций в ее нынешнем виде слишком ограничена своими целями, чтобы быть нам каким-либо образом полезной. Более того, меня интересуют потоки людей как внутри, так и, главное, за пределами территории каждого общества, а также то, как эти потоки могут соотноситься с различными желаниями людей — со стремлением получить работу, жилье, доступ к какому-то виду досуга, исповедовать ту или иную веру, выстроить семейные отношения, незаконно обогатиться, найти убежище и т.п. Не следует забывать, что мобильность характеризует не только людей, но и многие иные «объекты». Я намерен продемонстрировать, что получившее развитие сравнительно недавно направление «социологии объектов» нуждается в дальнейшей разработке и что различные потоки объектов, проникающие сквозь социетальные границы, и их пересечения с множественными потоками людей чрезвычайно значимы. Наконец, мобильность понимается здесь главным образом в горизонтальном, а не вертикальном смысле, в отличие от большинства работ по социальной мобильности. Я проанализирую плодотворность горизонтальных метафор как основания для преобразованной социологии.

Меня могут спросить: почему социология должна быть дисциплиной, занятой в основном изучением подобных форм горизонтальной мобильности? Не создается ли такой исследовательской фокусировкой постдисциплинарная социально-культурно-политическая наука, лишаящая отдельные дисциплины их места и роли? В самом деле, возможно, те отрасли, которые отвечают за названные глобальные потоки, вообще не будут нуждаться в академии, поскольку могут рефлексивно познавать (или думать, что познают), что именно вовлечено в сферу их действий, и потому могут сами исследовать главные процессы (как в пределах отдельных фирм, так и за счет частных мозговых центров). Так почему же социология должна изучать эти пересекающиеся горизонтальные мобильности?

Во-первых, большинство других дисциплин, принадлежащих к числу социальных наук, подвержены гораздо более экстенсивным формам дискурсивной нормализации, мониторинга и регуляции, что делает их плохими кандидатами для подобной постдисциплинарной перестройки. Действительно, теории, методы и данные в силу своей чрезмерной «социальности» могут буквально выдавливаться из таких дисциплин, а значит, и за преде-

лы сферы внимания той или иной контролируемой дисциплины [Urry, 1995, ch. 2]. Во-вторых, дискурсивная формация социологии часто демонстрировала относительную нехватку иерархии. Зачастую она являла собой нечто неуправляемое, неспособное противостоять интеллектуальным вторжениям, основанное на представлении о том, что вся человеческая деятельность организована социально, — нечто, имеющее потенциал определения социальных сил объектов и природы и демонстрировавшее рост осознания пространственных и темпоральных процессов. Несмотря на всю неразбериху с непосредственным пониманием общества, социология все еще способна разработать новую повестку, повестку для дисциплины, утрачивающей центральную свою категорию — человеческое «общество». И это дисциплина, организованная вокруг сетей, мобильности и горизонтальной текучести.

Далее в этой главе рассматриваются различные понятия *общества* и их конститутивная роль в историческом развитии социологического дискурса. Эти представления об обществе связываются с изучением границ, мобильностей и управления. Я затрону несколько сценариев, в которых «социология мобильностей» подрывает «социологию социального как общества».

Во второй главе я демонстрирую важность различных *метафор* социального, выделяя, в частности, те из них, что применимы к изучению разных видов мобильности. Я проанализирую метафоры сети/паутины и потоков/течений, а также покажу различия между ними и метафорами региона и структуры, которые играли центральную роль в понятии общества. Некоторое внимание будет также уделено пространственной и временной организации сетей/потоков и их комплексному влиянию на то, что исторически рассматривалось в качестве социетальных процессов.

В третьей главе разбираются различные социопропространственные практики *мобильности*. Я касаюсь физической мобильности, в том числе прогулок, путешествий на поезде, езды на автомобиле и авиаперелетов; мобильности объектов, коль скоро они конституируются и характеризуются ею; воображаемых путешествий посредством радио и телевидения, а также их влияния на преобразование публичной сферы; наконец, затрагиваю виртуальные путешествия и их связь с сообществами и телесной мобильностью. Как будет показано, в каждой из этих

мобильностей обнаруживаются сложные мобильные гибриды, образованные своеобразным соединением людей, машин и технологий.

Последнее подробнее рассматривается в четвертой главе, где утверждается, что при изучении отношений между людьми и вещами необходимо учитывать влияния различных *чувств*, которыми социология, как правило, пренебрегает. В анализе чувств воплощается социологический анализ как таковой, однако проводить его нужно лишь в связке с более масштабными культурными процессами. В этой главе будет показано, что отдельные «актанты» зависят от конкретных чувств, а мобильности в определенные места или *из* них основаны на определенных «способах чувствования». Кроме того, здесь подробно обсуждается меняющееся соотношение между различными чувствами.

Пятая глава посвящена *времени* и, в особенности, структуре и критике различия между так называемым социальным и природным временем. Здесь показывается, как якобы «природное» часовое время в действительности производится социально и даже играет большую роль в покорении природы. Далее рассматривается мгновенное время, замкнутое на самое себя и преобразующееся в различные мобильности, связанные с сохранением кратких промежутков времени. Демонстрируются социальные последствия подобного мгновенного времени, их глубина и неизученность в рамках основных социологических течений.

В шестой главе внимание сфокусировано на природе *жилища*. Имеются в виду те следствия, которые вытекают из предположения, что люди живут внутри сообществ — заданных или сконструированных, а также из того тезиса, что большинство форм проживания зависит от различных моделей реальной или воображаемой мобильности. Особое внимание сосредоточено при этом на локальных сообществах, *союзах*, коллективном энтузиазме, виртуальных сообществах, нациях и диаспорах. В этой главе отстаивается точка зрения, что социологическое понятие сообщества следует заменить понятием жилища и проживания, многие формы которых предполагают различные виды мобильности.

В седьмой главе излагается критика существующих понятий *гражданства*, основанных на принадлежности национальному обществу, а также тех ограниченных прав и обязанностей, которые содержит то или иное определение. Все труднее становится

сохранять социетальную модель гражданства на фоне развития разных форм прав и обязанностей, связанных с мобильностью, в том числе прав космополитических и глобального гражданства. Гражданство этого типа анализируется в терминах новых практик, рисков, прав и обязанностей, которые выходят за пределы национальных границ. Центральную роль в таком гражданстве играет стыд, поскольку публичная сфера трансформируется в «медиатизированную» и отчасти глобализированную публичную сцену.

В последней главе разрабатывается повестка для *социологии за пределами обществ*, построенная вокруг различия метафор садовничества и лесничества. Возникновение лесничества предполагает пересмотр природы гражданского общества, основанного на мобильностях; наблюдение за тем, как государства все больше функционируют в качестве «регуляторов» подобных мобильностей; устранение «садовнического» различия природы и общества; наконец, изучение возникающего глобального уровня, состоящего из блуждающих, перекрещивающихся, сложных гибридов.

«НЕТ ТАКОЙ ВЕЩИ, КАК ОБЩЕСТВО»

Я начну с понятия социального как общества. Когда бывшая премьер-министр Маргарет Тэтчер произнесла ставшую впоследствии знаменитой фразу «нет такой вещи, как общество», социологи взялись критиковать ее заявление. Они объявили, что общество, несомненно, существует и что тезис Тэтчер указывает на неприемлемость ее политического курса, основанного на попытке свести социетальное к интересам того, что она называла «отдельными мужчинами, женщинами и их семьями».

Я не собираюсь представлять здесь Тэтчер в качестве центральной фигуры индивидуалистской социальной теории (положения которой представляют собой вольную интерпретацию тезисов Хайека). Однако надменная ответная реакция британского социологического сообщества на высказывания Тэтчер не была оправданна. Ведь и в самом деле неясно, что означает термин «общество». Хотя в социальной жизни есть нечто «большее», чем «отдельные мужчины, женщины и их семьи», далеко не очевидно, что именно представляет собой этот излишек. Большинство социологов не могут прийти к согласию относи-

тельно его природы, что довольно иронично, ведь если и есть у социологии некое центральное понятие, то это, разумеется, понятие общества (даже когда используются альтернативные термины, такие как «страна», «социальная структура», «нация» или «социальная формация»).

В связи с этим я, во-первых, хочу показать, что понятие общества было центральным для социологического дискурса. Затем я намереваюсь доказать, что если существует некое согласие относительно понятия общества, то оно встроено в понятия национального государства, гражданства и национального общества, основанные на «банальном национализме» [Billig, 1995]. В дальнейшем я собираюсь продемонстрировать, что именно общество в смысле «общества национального государства» ставится под вопрос современной мобильностью, а значит, Тэтчер, как ни странно, могла быть права, заявляя, что такой вещи, как общество, не существует. Вместе с тем она глубоко заблуждалась, поскольку не была знакома с многими «постсоциетальными» процессами, которые происходят вне всякой связи с жизнью отдельных мужчин и женщин, в особенности с теми, что относятся к глобальному рынку. Она также упускала из виду сохраняющуюся идеологическую силу нации, главным образом потому, что склонна была считать ее чем-то «природным», а не «социетальным». Разберем эти пункты подробнее.

Социологический дискурс действительно базировался на понятии «общество» как на предмете изучения [Billig, 1995, p. 52–53; Hewitt, 1997, ch. 1]. Особенно заметным это стало начиная с 1920-х годов, когда социология была институционализована внутри американской академической корпорации. В классической работе Макайвера и Пейджа «Общество: вводный анализ» утверждается, что социология — наука «о» социальных отношениях, сети отношений, которые мы называем обществом» [MacIver, Page, 1950, p. v]. Придерживавшийся радикальной точки зрения Гоулднер в своем «Наступающем кризисе западной социологии» говорит об «акценте, который американская социология делала на силе общества и подчинении [sic] ей человека» [Gouldner, 1972, p. 52; Гоулднер, 2003, с. 75]. В фундаментальной «Энциклопедии социальных наук» Шилз говорит о том, что социологические знания «добываются изучением всего общества в целом и его частей» [Shils, 1985, p. 799], тогда как Корнблум определяет социологию как «научное изучение обществ людей

и человеческого поведения во многих группах, составляющих общество» [Kornblum, 1988, p. 4]. Теоретик миросистемного анализа, Валлерстайн, подводит черту под описанием всей ситуации: «ни одно понятие не распространено в современной социальной науке так, как понятие общества» [Wallerstein, 1987, p. 315].

Такая организация дискурса социологии вокруг понятия общества была отчасти обусловлена относительной автономией американского общества на протяжении всего XX в. То есть она представляет собой универсализацию американского социетального общества. Толкотт Парсонс, теоретик, представивший США в качестве образцового общества современного типа, определял «общество как такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы» [Parsons, 1971, p. 8; Парсонс, 1998, с. 19]. Разумеется, эмпирически такие самодостаточные общества встречаются редко и обычно опираются на господствующее положение в своей физической и социальной среде, а также на гарантии того, что действия их «членов... будут служить адекватным “вкладом” в его социетальное функционирование» [Ibid, p. 9; Там же, с. 20].

Валлерстайн также утверждает, что ни одно понятие не применяется так неререфлексивно, как понятие общества [Wallerstein, 1987, p. 315]. Это можно заметить, рассмотрев главные «теоретические ракурсы» в социологии и реконструировав то понимание общества, которое в них содержится. Такими ракурсами, вовсе не обязательно схожими друг с другом в организации, структуре или интеллектуальной согласованности, можно считать позиции критической теории, этнометодологии, феминизма, функционализма, интеракционизма, марксизма, теории структуризации, теории систем и веберовской теории [Urry, 1995, p. 41; Hewitt, 1997, ch. 1, 2]. Ниже для каждого ракурса указано соответствующее представление об обществе:

критическая теория	общество как формы отчужденного сознания, воспроизводимые институтами массового общества
этнометодология	общество как хрупкий порядок, раскрываемый методами здравого смысла, которыми пользуются члены сообщества в практических рассуждениях

феминизм	общество как связанная система социальных отношений, в которой интересы мужчин господствуют над интересами женщин
функционализм	общество как социальная система, в которой различные части функционально связаны друг с другом
интеракционизм	общество как неустойчивый социальный порядок, договоренности по поводу которого постоянно пересматриваются акторами
марксизм	общество как структура отношений между экономическим базисом и политико-идеологической надстройкой
теория структуризации	общество как сгусток (clustering) институтов во времени и пространстве, формирующийся с опорой на определенные структурные принципы и поочередно воспроизводящий их
теория систем	общество как аутопойетическая сеть саморегулирующихся и рекурсивных коммуникаций, организационно отличных от своей среды
веберовская теория	общество как отношения между специфическими социальными порядками и неравномерно распределенными социальными группами, представленными в каждом порядке.

Итак, существуют различные смыслы термина «общество», и каждый из них предполагает возникновение некоего иного качества на том уровне общества, который находится над «отдельными мужчинами, женщинами и их семьями». Гидденс заключает, что «общество» — практически неисследованный термин социологического дискурса [Giddens, 1987, p. 25], тогда как Манн доказывает, что нам следует отказаться от этого термина из-за столь обширных разногласий и расхождений [Mann, 1986, p. 2].

В большинстве из этих формулировок упускается из виду то, как именно понятие общества связано с системой наций или национальных государств. Биллинг утверждает, что «общество»,

лежащее в самой сердцевине самоопределения социологии, создано по образу национального государства» [Billig, 1995, p. 53, 10]. Интересно, что американские теории общества часто игнорировали «националистический» базис американского, а на самом деле всех западных обществ. Обычно они считали национализм неким довеском к обществу, который должен использоваться лишь в ситуациях «крайнего» экстремизма (который, как предполагается, не имеет ничего общего с Западом). Однако Элиас недвусмысленно указывает на то, что «многие социологи XX в., говоря об “обществе”, уже не имеют в виду... “буржуазное общество” или “человеческое общество” вне государства, а все чаще подразумевают некий размытый идеальный образ национального государства» [Elias, 1978, p. 241; Billig, 1995, p. 52–54].

Поэтому в последующей теоретизации общества основную роль играют суверенитет, национальное гражданство и социальная управляемость. Каждое «общество» является суверенным социальным образованием с национальным государством, которое регулирует права и обязанности каждого социального члена или гражданина. Считается, что основной набор социальных отношений разворачивается в пределах территориальных границ данного общества. Государство мыслится в качестве образования, обладающего монополией на юрисдикцию или управление живущими в пределах определенной территории или региона членами общества. Экономика, политика, культура, классы, гендер и т.д. структурируются социетально. В совокупности они образуют некий сгусток, или то, что обычно концептуализируется в качестве «социальной структуры». Последняя организует и регулирует жизненные возможности каждого члена данного общества.

Эта социетальная структура является не только материальной, но и культурной, поэтому ее члены верят, что имеют общую идентичность, отчасти связанную с территорией, которую общество занимает или на которую претендует. Вопреки господствующему представлению, характерному почти для всей социологии как науки, центральным элементом большей части таких обществ является локальный национализм, который частично определяет то, как люди думают и как ощущают самих себя в качестве людей. У банального национализма, который выстраивает идентичности каждого общества через его вполне приземленные отличия от другого, есть множество проявлений.

К ним относятся размахивание праздничными флагами, распевание национальных гимнов, развешивание флагов на государственных зданиях, идентификация со звездами национального спорта, упоминание в СМИ в качестве члена данного общества, празднование дня независимости и т.д. [Billig, 1995]. Метафорически этот локальный национализм можно охарактеризовать в качестве некоего фрактала, неправильных, но странным образом схожих форм, которые обнаруживаются в фрагментированных феноменах на самых разных уровнях социального тела. Мы можем заметить это самоподобие в том, как на каждом уровне — начиная с локального и заканчивая центром государства — члены общества делают нечто похожее, разделяют общие убеждения, думают о себе как о типичных «французах» или «американцах».

Вместе с тем вряд ли общества можно представить в качестве полностью самодостаточных образований (аутопойетическое описание общества см.: [Luhmann, 1995; Луман, 2007]). Социология склонна рассматривать то, что находится «вне» общества, в качестве неизученной среды. Однако ни одно общество даже в первой половине прошлого века, в период расцвета национального государства, не было отделено от самой системы таких государств, оставаясь зависимым от понятия национальной идентичности, которая мобилизует суверенные общества. Калхун указывает: «Ни одно национальное государство не существовало само по себе» [Calhoun, 1997, p. 118; Калхун, 2006, с. 231]. Именно благодаря этой взаимозависимости такие общества выстраиваются в качестве самоуправляющихся образований, в значительной мере определяющихся банальными или локальными отличиями друг от друга. Как замечает Валлерстайн, «бессмысленно анализировать процессы *социетального развития* наших множественных (национальных) обществ так, словно бы они были автономными, внутренне развивающимися структурами, когда в действительности они были и остаются прежде всего структурами, созданными процессами общемирового масштаба и в ответ на эти процессы» [Wallerstein, 1991, p. 77]. Страны Северной Атлантики были сформированы как система таких национальных обществ с четкими границами и множеством банальных национализмов, которые отличают одно общество от другого [Billig, 1995; Held, 1995; Хелд, 2007;

Calhoun, 1997; Калхун, 2006]. Общества различались по степени их связанности и, особенно, как утверждает Турен, по тому, в какой мере они были организованы мобилизующей «культурой» и объединены ею; в то же время без этой социетальной культуры сложно определить, каковы границы того или иного общества [Touraine, 1998].

В течение по меньшей мере двух последних столетий эта концепция общества была центральной для американских и европейских представлений о том, что значит быть человеческим существом, обладающим правами и обязанностями общественного гражданства. Быть человеком означает быть членом или гражданином конкретного общества. В историческом и концептуальном плане существовала строгая взаимосвязь между идеей человечности и членством в обществе. Общество здесь означает нечто, упорядоченное национальным государством, обладающее четкими территориальными и гражданскими границами, а также системой управления его гражданами. Концептуально и исторически существовала неделимая двойственность граждан и обществ. Роуз характеризует эту модель как правление с «социальной точки зрения» [Rose, 1996, p. 328]. Подобная социетальная управляемость реализовывалась посредством новых форм экспертизы, отчасти основанных на социологии как науке о подобных обществах и о соответствующих формах социального гражданства (см. гл. VII наст. изд.).

При таком подходе «общество» и его характерные формы социальной дифференциации, в особенности разделение на классы, крепко переплетены с «национальным государством». Манн в своем обширном исследовании «возникновения классов и национальных государств» на Западе в период между 1760 и 1914 гг. показывает, что общества, нация и государства были тесно связаны друг с другом на протяжении всего своего исторического развития [Mann, 1993, p. 737]. Они развивались вместе, и потому их нельзя представить в виде сталкивающихся друг с другом бильярдных шаров, находящихся лишь во внешних отношениях друг с другом. Манн убедительно говорит о предельной запутанности социального мира и о взаимном усилении накладывающихся друг на друга класса и нации, в то время как общества расширяли свою «коллективную власть» (отличную от дистрибутивной власти человека-над-человеком [Parsons, 1960]). Он уверенно отстаивает концепт коллективной власти, показывая, как

Западная коллективная власть была революционизирована... Общества стали лучше организованы для мобилизации способностей человека и эксплуатации природы, а также других менее развитых обществ. Необычайная социальная плотность позволила правителям и народу действительно стать членами одного и того же «общества» [Mann, 1993, p. 14].

Коллективная власть такого рода предполагала четкое различие социальной управляемости, с одной стороны, и тем, что находится вне общества, т.е. природой, — с другой. Такая позиция сохраняется независимо от того, рассматривается ли эта досоциальная природа так же, как у Гоббса или Локка, как нечто агрессивное или, напротив, как нечто миролюбивое [Macnaghten, Urry, 1998, ch. 1]. Напряженный конфликт между природой и обществом в Западной Европе и Северной Америке достиг своей кульминации к концу XIX столетия. Природа рассматривалась или низводилась до пространства несвободы и враждебности, которое необходимо обуздать и подчинить. Эпоха Модерна (Современности) предполагала веру в то, что прогресс человеческого общества следует измерять и оценивать в терминах господства над природой, а не преобразования самих отношений между нею и людьми. Реализация коллективной власти таких обществ привела к значительному росту интенсивности извлечения и использования энергии.

Социология как особая академическая практика была продуктом этого исторического момента, рождающегося промышленного капитализма Западной Европы и Северной Америки. За данность ею был принят завораживающий успех обществ современного типа в деле покорения природы. Социология специализировалась на описании и объяснении характера именно обществ современного типа, основанных на отраслях промышленности, которые внедряли и применяли принципиально новые формы энергии, и возникающих на их основе паттернов общественной жизни. По существу социология восприняла одну из версий разделения традиции и современности, предполагавшую, что в обществах североатлантического ареала революционные изменения произошли в период между 1700 и 1900 гг. Считалось, что эти общества Модерна качественно отличались от обществ прошлого. Дихотомия традиции и современности (или Модерна) формулировалась по-разному: Мэн описывал ее как переход от статуса к контракту, Маркс — как движение от

феодализма к капитализму, Тённис — от *gemeinschaft* (общности) к *gesellschaft* (обществу), Спенсер — от военного общества к промышленному, Фуко — от классической эпохи к буржуазной, Дюркгейм — от механических к органическим формам разделения труда.

Итак, социология основывалась на принятии и развитии установившегося разделения академического труда, основанного на выделении той области социального, которую, согласно Дюркгейму, следует изучать и объяснять в ее автономности [Durkheim, 1952; Дюркгейм, 2007]. Социология, таким образом, реализовала стратегию выстраивания самой себя по образцу биологии, отстаивая свою особую и независимую область фактов, в данном случае относящихся к социальному или социетальному. До недавнего времени подобное академическое разделение на мир природных фактов и мир социальных фактов считалось бесспорным. Оно придавало смысл стратегии профессионализации социологии, поскольку обеспечивало последнюю ясной и ограниченной сферой исследования. Эта сфера не пересекалась, не ставила под сомнение и не входила в противоречие с областью физических наук, имевших дело с явно отличной анализируемой природой и значительно опередивших социологию в гонке за академическую респектабельность и финансирование [Macnaghten, Urry, 1998, ch. 1, 4, 6].

Предполагалось, что между природой и обществом существует разрыв (иногда он считался методологическим, а иногда — онтологическим). Естественные науки считались именно что «естественными», а их научный метод применялся повсеместно. Разумеется, я вовсе не утверждаю, что все социологии были дюркгеймовскими. Отдельные направления выходили за пределы этих формулировок, когда настаивали на примате таких категорий, как «субъект», «интеракция», «представления членов группы», «миросистема» или «культура». Вместе с тем данные дискурсы оставались довольно маргинальными по отношению к общему социологическому стремлению установить характер социетального порядка, фундаментально отделенного от порядка естественного.

В эпоху организованного капитализма в Европе и Северной Америке с 1900-х по 1970-е годы предполагалось также, что большинство экономических и социальных проблем и рисков производятся — и соответственно решаются — на уровне от-

дельного общества. Каждое общество было суверенным, основанным на своей социальной управляемости и отделенным от природы образованием. Его проблемы решались посредством национальных программ, а начиная с 1930-х годов — главным образом через кейнсианское государство всеобщего благосостояния, которое могло выявлять и реагировать на порождаемые организованным капитализмом риски [Lash, Urry, 1987; 1994]. Последние принято было считать локализованными преимущественно *в пределах* географических границ и временных рамок каждого отдельного общества. Решения также вырабатывались и применялись в указанных социетальных границах. Национальные общества основывались на понятии гражданина, получающего набор прав и обязанностей перед обществом благодаря основным институтам национального государства.

Конечно, такая «социетальная» модель подходила не более чем дюжине обществ Северо-Атлантического ареала (а также Японии). Но даже здесь был Ватикан, территориально находящийся в Риме, однако отчасти определявший внутреннюю политику некоторого числа «южно»-европейских стран (см. [Walby, 1996]). Большая часть остального мира была подчинена чужому господству. Именно общества Северо-Атлантического региона были колониальными державами, поддерживающими значительные экономические, военные, социальные и культурные отношения за пределами своих границ. Так, к 1913 г. на долю европейских и североамериканских обществ приходилось 90% всего промышленного производства [Mann, 1993, p. 14]. При этом одно национальное общество — германское — приблизилось к возможности установить свою военную гегемонию над всей остальной Европой. А на протяжении почти всего XX в. наиболее сильное общество — США — функционировало главным образом как сверхдержава, втянутая в нарастающую дипломатическую, политическую, военную, экономическую и культурную конфронтацию с другим мощнейшим имперским обществом — СССР. Я уже отмечал тот парадокс, что именно в США особое развитие получили теории общества как связанной, относительно автономной «функциональной» единицы.

Итак, в этом параграфе я показал, что понятие общества (при этом могут использоваться различные термины) играло центральную роль в социологическом дискурсе, особенно в США. Вместе с тем в разных социологических направлениях это по-

нятие использовалось совершенно разными, противоречащими друг другу способами. Я продемонстрировал, что если понятие общества имеет смысл, то лишь будучи встроенным в анализ *системы* обществ национальных государств.

В следующем параграфе я продолжу анализ этой системы, оказавшейся под вопросом в свете происходящих сегодня перемен, дав основания предполагать правоту Маргарет Тэтчер в ее сомнении по поводу принципиального существования общества. Но если такой вещи, как общество, действительно нет, связано это не с силой отдельных индивидов-субъектов, а как раз с их слабостью перед лицом «внечеловеческих» (inhuman) жестких процессов глобализации. Валлерстайн отмечает: «Понятие общества фундаментально ошибочно потому, что оно овеществляет и, следовательно, кристаллизует социальные феномены, чье действительное значение состоит не в их устойчивости, а, напротив, в текучести и пластичности» [Wallerstein, 1991, p. 71]. Теперь я подробно остановлюсь на некоторых недавних спорах вокруг так называемой глобализации, которые демонстрируют гибкость и текучесть социальных феноменов.

ВНЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

В разных главах этой книги я затрону самые разные «глобальные» процессы, предположительно видоизменяющие контуры сегодняшнего социального опыта. В качестве первого подхода к обширной литературе на эту тему в табл. 1.1 приведены основные типы рассуждений о глобализации.

Время от времени в этой книге я буду обращаться к некоторым из указанных трактовок. В следующей главе я намереваюсь развить последнюю из них как наиболее продуктивную на пути постижения того, что может включать в себя предполагаемая глобализация сегодняшнего капитализма. Следует также заметить, что термин «глобализация» так часто сбивает с толку потому, что одновременно указывает на некоторые глобальные процессы (от глагола глобализировать) и на глобальные результаты (от существительного глобус, земной шар). Я использую термин «глобализация» в первом значении, поскольку, как мы увидим, многие из обсуждаемых процессов носят незавершенный характер, и нет ничего, что могло бы быть представлено в качестве единой глобальной экономики или единого общества.

Я задаюсь вопросом: существуют ли какие бы то ни было конкретные глобальные процессы и наблюдается ли появившееся хотя бы частичное улучшение какого-то глобального уровня? Если да, то как это можно измерить и каковы последствия этого для анализа «обществ»?

Таблица 1.1
 Главные формы глобализации

Стратегия	Разработанная транснациональными корпорациями, действующими в общемировых масштабах и не связанных обязательствами в части нужд отдельных регионов, рабочей силы или правительств
Образ	Образы «Земли» и «земного шара», которые используются в рекламе различных продуктов (например, авиакомпаний) и для привлечения людей в группы, протестующие против угроз «глобальной среде»
Идеология	Те из них, что связаны с экономическими интересами по продвижению капитализма по всему миру, утверждают, что глобализация неизбежна и что национальные правительства не должны вмешиваться в регуляцию глобального рынка
Основа политической мобилизации	Признание «глобальности» проблемы упрощает мобилизацию широкого круга индивидов и организаций во имя или против некоторого явления
Каналы (scapes*) и потоки	Люди, деньги, капитал, информация, идеи и образы рассматриваются в качестве «потока», который движется по различным «каналам», образующим сложные, переплетающиеся сети, проходящие как внутри, так и поверх определенных обществ (пример — монетарные каналы и потоки между Лондоном, Нью-Йорком и Токио)

* В качестве русского эквивалента английского scape принят термин «канал», поскольку в предельно обобщающем смысле он включает все возможные способы и устройства перемещения самых разных потоков. Авторскую трактовку scape (канал) см. на с. 56 наст. изд. — *Примеч. ред.*

Полезным отправным пунктом может стать описание сегодняшнего мира, предложенное Манном: «Сегодня мы живем в глобальном обществе. Оно не унитарно и не представляет собой идеологическое сообщество или государство, но является уникальной силовой сетью. Взрывные волны пронесются по

ней, сокрушая империи, перемещая огромные массы людей, материалов и сообщений, угрожая в конечном счете экосистеме и атмосфере планеты» [Mann, 1993, p. 11]. Здесь следует отметить несколько моментов: не существует единого глобального общества; существуют отдельные уровни глобальной взаимозависимости; непредсказуемые взрывные волны «хаотически» распространяются из одной части на всю систему в целом; существуют не «общества», но чрезвычайно могущественные «империи», перемещающиеся по земному шару; и существует также мобильность людей, предметов и опасных отходов человеческой деятельности. В этой книге я намереваюсь описать социологические следствия данного наброска.

Возможны два кардинально различных возражения на вышеприведенный тезис о глобализации. Существуют энтузиасты глобализации, которые считают, что названные процессы порождают новую эпоху, золотой век космополитической «безграничности». Эта эпоха обещает колоссальные новые возможности, прежде всего позволяющие преодолеть ограничения и запреты, которыми общества и особенно национальные государства сужали свободу корпораций и индивидов, на распоряжение миром как «собственной вотчиной» [Ohmae, 1990; Омэ, 1998].

Другие описывают глобализацию не в качестве утопии без границ, а как новую дистопию. Глобальный мир рассматривается в качестве нового Средневековья, в то время как Запад возвращается в предсовременную эпоху [Cerny, 1997]. Средневековый мир характеризовался отсутствием четких территориальных границ и «обществ»; здесь были империи с их центрами и перифериями, многочисленными сетями взаимопроникновения и соперничающими юрисдикциями; имелись тут и многочисленные языковые сообщества [Mann, 1986; Billig, 1995, p. 20–21]; критику идеи нового Средневековья [Hirst, Thompson, 1996, p. 184]. Новый средневековый глобальный мир, похоже, также состоит из конкурирующих институтов с перекрывающимися зонами юрисдикции и идентичностями. Государства преобразуются в государства-конкуренты; многим из них не грозит внешняя военная опасность, что вызывает у наций трудности с сохранением представления о собственном единстве. Различные могущественные империи, такие как Microsoft и Coca-Cola, блуждают по планете, перекраивая экономики и культуры в собственных глобальных интересах. Заметен и рост конкури-

рующих городов-государств, таких как Нью-Йорк, Сингапур, Лондон, Гонконг, Сидней, Токио и т.д.

Как оптимистический, так и пессимистический анализ показывают, что именно *внечеловеческие* объекты преобразуют социальные отношения, создаваемые и трансформируемые машинами, технологиями, предметами, текстами, образами, физическими средами и т.д. Растущие человеческие возможности все чаще имеют своим источником сложные *взаимосвязи* людей и материальных предметов, таких как знаки, машины, технологии, тексты, физические среды, животные, растения и отходы производств. Собственно человеческие возможности крайне ограничены, а большая часть из имеющихся может быть реализована лишь посредством взаимодействия с подобными внечеловеческими компонентами. Абсолютно новыми по своей онтологической глубине и преобразовательной силе оказываются такие внечеловеческие разработки, как миниатюризация электронных технологий, к которым люди «подключены» самыми разными способами и которые будут окружать нас на работе и дома; преобразование биологии в совокупность генетически закодированных данных; увеличение объема и масштаба легко перемещаемых отходов и вирусов; колоссально возросшие возможности симулировать природу и культуру; изменение технологий, обеспечивающих мгновенную физическую мобильность; информационные и коммуникационные потоки, которые радикально сокращают временные расстояния и пространства, разделяющие людей, компании и страны.

В силу значения возникающих внечеловеческих гибридов я не развиваю концепции деятельности (*agency*), которые фокусировались бы главным образом на способности людей придавать значение, или проявлять чувства, или следовать социальному правилу. Это не значит, что люди не заняты подобными вещами или не являются субъектами действия. Просто таковыми они оказываются не в ими созданных обстоятельствах, а именно такие обстоятельства — устойчивые и все более тесные связи субъектов и объектов — обладают первостепенным значением. Сказанное означает, что человеческий и физический миры тесно взаимосвязаны и их невозможно анализировать отдельно — как общество и как природу или людей и объекты. В разных главах будет показано, почему такие сложные мобильные гибриды обладают предельной социологической значимостью.

Вопрос о субъекте — это не вопрос о людях, которые, действуя независимо от объектов, якобы обладают уникальной способностью приписывать значение или следовать правилам. Решающим, скорее, является то, как физический мир и артефакты переживаются людьми в их чувственном опыте. Понятие действия (*agency*) нуждается в воплощении, и я собираюсь развить эту мысль посредством анализа чувств и взаимосвязей между ними. Эти чувства играют ключевую роль не только, как предполагал Зиммель, в терминах отношений человека с человеком, но и в терминах отношения людей к природе, технологиям, объектам, текстам и образам (см. гл. IV наст. изд.).

Если не существует автономной области человеческой деятельности, не следует представлять себе и отдельный уровень *социальной* реальности, который был бы уникальным результатом человеческих поступков и особых способностей. Разные авторы пытались развить идею диалектики общества, создаваемого индивидами, и индивидов, формируемых обществом [Berger, Luckmann 1967; Бергер, Лукман 1995]. Подобная диалектика, однако, может быть убедительной лишь в том случае, если под обществом мы подразумеваем нечто тривиальное, т.е. чистые социальные интеракции, отделенные от сетей сложного взаимодействия с внечеловеческим. Поскольку почти все социальные сущности вовлечены в сети, связывающие людей с другими компонентами, не существует неких исключительно *человеческих* обществ как таковых. Общества — суть всегда гибриды.

Более того, как мы впоследствии увидим, различные трансформации внечеловеческого ослабляют возможности обществ по сплочению своих граждан, обеспечению их национальной идентичности и выражению солидарной позиции. Роуз утверждает:

В то время как наши политические, профессиональные, моральные или культурные власти с прежним энтузиазмом разглагольствуют об «обществе», само значение и этическое содержание этого термина находится под вопросом, поскольку «общество» представляется разорванным на множество этических и культурных сообществ со взаимоисключающими лояльностями и несоизмеримыми обязательствами [Rose, 1996, p. 353].

Лаклау и Муфф, выдвигая более общий тезис, показывают невозможность общества как валидного предмета дискурса [Laclau, Mouffe, 1985; Barrett, 1991]. Причина этого кроется в не-

избежно неполном характере всякой тотальности. В частности, нет фундаментального принципа, который фиксировал бы и тем самым учреждал соответствующее поле различий, отделяющих одно общество от другого. Используя лакановскую метафору, они высказывают предположение, что социальные отношения являются неизменно открытыми — кожа разорвана — и всегда наличествует потребность в гегемонном заполнении или повторном сшивании общества [Laclau, Mouffe, 1985, p. 88]. Такое восполнение или обратное сшивание социального считается невозможным. Оно будет просто прорвано где-то еще, рана начнет кровоточить, ткань разорвется, поскольку прошлое продолжит клеймение поверхности «социального тела» (в следующей главе я рассмотрю некоторые другие метафоры социального).

Итак, Лакло и Муфф задаются вопросом о том, что сшивает общество, когда внечеловеческие сети начинают пересекать его в самых неожиданных направлениях и на все возрастающих скоростях. В этой книге я исхожу из допущения, что классические философско-социологические споры относительно достоинств методологического индивидуализма и холизма или, в более поздней версии, теории структуризации и структурного дуализма не могут нам помочь. Эти споры не имеют отношения к сложным последствиям разных типов мобильности, переплетающихся чувственных отношений людей с различными объектами, пространственного и временного качества отношений, выходящих за пределы социетальных границ, сложных и непредсказуемых взаимоналожений многих «регионов, сетей и потоков». Описывать их в качестве либо «структур», либо «действия» (agency) — значит не принимать в расчет темпоральную и пространственную сложность такого рода отношений. В этой книге предполагается, что упорядочивание социальной жизни носит случайный, непредсказуемый, рваный и несводимый к человеческим субъектам характер. Луман так выражает эту мысль: «Не может быть “интерсубъективности” на основе субъекта» [Luhmann, 1995, xli].

Эти пункты можно прояснить, вкратце рассмотрев морфогенетическую социальную теорию Маргарет Арчер, созданную с целью разобраться с «досаждающей» природой общества [Archer, 1995]. Она помещает «время» в центр своей «не-объединяемой» социальной теории, основанной на двух тезисах. Во-первых, социальный мир онтологически стратифицирован так, что возникающие свойства структур и агентов несводимы друг к другу и

аналитически принципиально различны. Во-вторых, структуры и агенты различаются темпорально, т.е. возможно говорить о соответствующем возникновении либо структуры, либо агента [Archer, 1995, p. 66]. Ее главным реалистическим ходом является именно комбинирование аналитической различимости и темпоральности в противоположность одновременности. Тем самым создается основа для изучения *морфогенеза*, радикального и непредсказуемого реформирования общества, проистекающего из исторически обусловленного взаимодействия структуры и действия (*agency*). Это взаимодействие со временем порождает открытое общество, которое подобно себе и ничему больше (см. диаграмму морфогенетического цикла: [Ibid., p. 157]).

Однако ее исследование ключевого понятия времени остается проблематичным. Во-первых, время анализируется в отрыве от пространства, что противоречит как общей логике движения науки XX в., так и обширной аргументации, развитой в социальных науках. Это ньютоновская концепция времени. Не затрагиваются развернутые дебаты в области социологии времени, которые показали, что социальную жизнь составляют разные «времена». Арчер считает время линейным, т.е. принимает его за четвертое измерение, простое «до и после» (см. гл. V наст. изд.). Структуры и агентов она располагает во времени словно бусины, нанизанные на четвертое измерение. В этом смысле, она не допускает возможности того, что время (и пространство) также являются мощными «сущностями» или что существуют некие стрелы времени, причем все они не заключены внутри обществ. Арчер не учитывает и того, что хотя само по себе время не оказывает воздействия, существуют особые времена, которые обладают определенным влиянием. В частности, гибрид «часового времени» в значительной степени послужил (конечно, лишь в совокупности с другими каузальными процессами) орудием подчинения природного мира на протяжении XIX и XX вв. Подобным образом и предполагаемый «конец общества» может попасть в повестку социологии по причине необычайного искажения «пространства — времени», которое вызывают текущие глобальные изменения — изменения, в которых время как нечто мгновенное приобретает вид особенно сильного гибрида.

Гипотетический «конец общества», по всей видимости, будет означать и конец социологии — дисциплины, которая, согласно Роуз, «ратифицировала существование этой [социальной]

территории»; поскольку же территория трансформируется под влиянием зарождающейся силы новых темпоральных и пространственных топологий, социология «претерпевает кризис идентичности» [Rose, 1996, p. 328; Mol, Law, 1994]. Аналогичное мнение выразил Турен, заявивший, что рамки классической социологии рушатся, поскольку разлагается само общество; он описывает процесс «демодернизации» и «распад того единства, которое мы все еще называем обществами» [Touraine, 1998].

В частности, если нет связанного общества, то как можно выделить функциональные требования, которые должны быть выполнены, чтобы каждое такое «общество» продолжало существовать? Не имея возможности предложить их, социолог-функционалист не сможет объяснить ни влияние особых организаций или процессов на общество, ни, что более занятно, возникновение или сохранение любой из организаций такого рода в терминах их функциональных последствий [Isajiw, 1968; Elster, 1978]. Но даже если мы больше не «функционалисты», трудно понять, как мы могли бы концептуализировать определенные сущности (или образования), если не в терминах их «функций» относительно общества. Далее я собираюсь показать, что сегодняшние государства следует описывать главным образом в терминах «регуляции». Но что именно регулируется и как можно задать эту функцию, если отчетливых границ того, что мы называем обществом, более нет? Я попытаюсь доказать, что новые глобальные потоки и сети породили новое функциональное требование, поскольку государства должны регулировать масштабные последствия этих потоков сетей. Я покажу, что это глобально порождаемое функциональное требование преобразует государства, которые переходят от того, что я буду называть эндогенной регуляцией народов в духе Фуко, к экзогенной государственной поддержке, регуляции и реакции на последствия различных типов мобильности.

Итак, кажется, что социология уходит в свободное плавание, когда мы покидаем относительно безопасные воды функционально интегрированного, связанного общества или аутопойетической социетальной системы в лумановском духе [Luhmann, 1995]. Возникает теоретический и эмпирический водоворот, где гибнет большая часть промежуточных истин, которые социология попыталась закрепить. Книга, которую вы держите в руках, посвящена мобильностям, а это означает, что нам предстоит

столкнуться с быстрым разрушением тех немногих положений, которые были легкомысленно провозглашены социологией устойчивыми в течение нескольких последних десятилетий. В этой пучине социальной и интеллектуальной мобильности я задаюсь вопросом, сохранятся ли какие бы то ни было фиксированные раз и навсегда положения в принципе?

Я уже указывал на некоторые факторы, которые могут позволить социологии преодолеть возможную утрату ключевого для нее понятия общества. Справиться с этим она может благодаря дисциплинарным свойствам, делающим ее особенно приспособленной к относительно текучему миру и горизонтальным мобильностям «глобальной эры», т.е. свойствам, которые проистекают из довольно подвижного, аморфного и сетевого характера самой социологии [Albrow, 1996]. Однако есть здесь и иная проблема. Социология всегда находилась на границе академии (некоторые даже скажут, по ту ее сторону) по причине своей близости к разным общественным движениям. К ним относятся борьба за права рабочих и профсоюзное движение, отстаивание своих интересов профессионально-управленческим классом, движения городских жителей, бедноты, женщин, геев и лесбиянок, экологические движения и т.д. Каждое из них значительно повлияло на развитие социологии в рамках академии. Маловероятно, что «социология» сможет выжить, если снова не вберет в себя амбиции какого-либо из этих общественных движений. Я вернусь к этой теме в последней главе, где будет обсуждаться вопрос о том, могут ли движения за глобальное гражданство обеспечить социальный базис обновленной социологии.

БОЛЬШЕ НОВЫХ ПРАВИЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА

ЗаклЮчить главу хотелось бы обсуждением того, какими должны быть «правила социологического метода» социологии нескольких будущих десятилетий (с приличествующими случаю реверансами в адрес Дюркгейма [Durkheim, 1964; Дюркгейм, 2008] и Гидденса [Giddens, 1976; Гидденс, 2002]). Я уже показал, что «общества» можно понять только через их отношения с другими «обществами», выстраиваемыми на протяжении последних двух столетий. Общества, кроме того, не обязательно организованы вокруг некоего порождающего центра. Отчасти они заданы объектами в той же мере, что и субъектами, а поскольку

- Thrift N.* Spatial Formations. L.: Sage, 1996.
- Toogood M.* Globcit Image Database: Description and Categorisation of Images / Mimeo. CSEC. Linguistics. Sociology Departments. Lancaster University, 1998.
- Touraine A.* Culture without Society // Cultural Values. 1998. No. 2. P. 140–157.
- Tuan Y.-F.* Sight and Pictures // Geographical Review. 1979. No. 69. P. 413–422.
- Tuan Y.-F.* Passing Strange and Wonderful. Washington (DC): Island Press, 1993.
- Turkle S.* Life on the Screen. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1996.
- Turner B.* Citizenship and Capitalism: The Debate over Reformism. L.: Allen & Unwin, 1986.
- Turner B.* Contemporary Problems in the Theory of Citizenship // Citizenship and Social Theory / ed. by B. Turner. L.: Sage, 1993a.
- Turner B.* Outline of a Theory of Human Rights // Citizenship and Social Theory / ed. by B. Turner. L.: Sage, 1993b.
- Urry J.* The Tourist Gaze. L.: Sage, 1990 (*Урри Дж.* Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 136–150).
- Urry J.* Consuming Places. L.: Routledge, 1995.
- Urry J.* How Societies Remember the Past // Theorizing Museums / ed. by S. Macdonald, G. Fyfe. Oxford: Sociological Review Monographs, 1996.
- Van den Abbeele G.* Sightseers: the Tourist as Theorist // Diacritics. 1980. No. 10. P. 3–14.
- Van Hear N.* New Diasporas. L.: UCL Press, 1998.
- van Steenbergen B.* Towards a Global Ecological Citizen // The Condition of Citizenship / ed. by B. van Steenbergen. L.: Sage, 1994.
- Virilio P.* Speed and Politics. N.Y.: Semiotext(e), 1986.
- Virilio P.* The Work of Art in the Age of Electronic Reproduction // Interview in «Block». 1988. No. 14. P. 4–7.
- Virilio P.* The Vision Machine. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1994 (*Вирильо П.* Машина зрения. СПб.: Наука, 2004).
- Walby S.* Women and Citizenship: Towards a Comparative Analysis // University College of Galway Women's Studies Centre Review. 1996. No. 4. P. 41–58.

Walby S. Gender Transformations. L.: Routledge, 1997.

Walby S. The New Regulatory State: The Social Powers of the European Union // British Journal of Sociology. 1999. No. 50. P. 118–140.

Wallace A. Walking, Literature and English Culture. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today / ed. by J. Turner, A. Giddens. Cambridge: Polity, 1987.

Wallerstein I. Unthinking Social Science. Cambridge: Polity, 1991.

Wallerstein I. The Heritage of Sociology, the Promise of Social Science // Presidential Address, 14th World Congress of Sociology, Montreal. July 1998 (Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003).

Walvin J. Beside the Seaside. L.: Allen & Unwin, 1978.

Ward N. Surfers, Sewage and the New Politics of Pollution // Area. 1996. No. 28. P. 331–338.

Wark M. Virtual Geography: Living with Global Media Events. Indiana: Indiana University Press, 1994.

Waters M. Globalization. L.: Routledge, 1995.

Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. L.: Unwin, [1904–5] 1930 (Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–271).

Weiss L. The Myth of the Powerless State. Cambridge: Polity, 1998.

Wheeler M. (ed.). Ruskin and the Environment. Manchester: Manchester University Press, 1995.

Whitelegg J. Critical Mass. L.: Pluto, 1997.

Williams R. Ideas of Nature // Ecology: the Shaping Enquiry / ed. by J. Benthall. L.: Longman, 1972.

Williams R. The Country and the City. L.: Chatto & Windus, 1973.

Williams R. Border Country. L.: Hogarth Press, 1988.

Williams R. Mining the Meaning: Keywords in the Miners' Strike // in Resources in Hope. L.: Verso, 1989.

Wilson A. Culture of Nature. Oxford: Blackwell, 1992.

Wilson E.O. Sociobiology. Cambridge (MA): Belknap, 1980.

Wolff J. On the Road Again: Metaphors of Travel in Cultural Criticism // Cultural Studies. 1993. No. 7. P. 224–239.

Woolff V. The Three Guineas. L.: Harcourt, Brace & Ward, 1938.

Wood K., House S. The Good Tourist: a Worldwide Guide for the Green Traveller. L.: Mandarin, 1991.

Wordsworth W. The Illustrated Wordsworth's Guide to the Lakes / ed. by P. Bicknell. L.: Book Club Associates, [1844] 1984.

Worster D. The Intrinsic Value of Nature // Environmental Review. 1980. No. 4. P. 43–47.

Wright P. On Living in an Old Country. L.: Verso, 1985.

WTO. Yearbook of Tourism Statistics. 1996. 49th edn. Vols 1–2. Madrid: World Tourism Organisation, 1997.

Wynne B. After Chernobyl: Science Made too Simple // New Scientist. 1991. P. 44–46.

Wynne B. Scientific Knowledge and the Global Environment // Social Theory and the Global Environment / ed. by M. Redclift, T. Benton. L.: Routledge, 1994.

Young H. Democracy Ditched in Waves of Escapism // Guardian. 1995. 22 June.

Yuval-Davis N. National Spaces and Collective Identities: Borders, Boundaries, Citizenship and Gender Relations. Inaugural Lecture, University of Greenwich, 1997.

Zerubavel E. The Standardisation of Time: A Sociohistorical Perspective // American Journal of Sociology. 1888. No. 88. P. 1–23.

Zimmerman M. Heidegger's Confrontation with Modernity. Bloomington (IA): Indiana University Press, 1990.

Zohar D., Marshall I. The Quantum Society. N.Y.: William Morrow, 1994.

Научное издание

Серия «Социальная теория»

ДЖОН УРРИ

СОЦИОЛОГИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ
ОБЩЕСТВ: ВИДЫ МОБИЛЬНОСТИ
ДЛЯ XXI СТОЛЕТИЯ

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

МАРИНА КОВАЛЕВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

ГАЛИНА КРИКУНОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел./факс: (495) 611-15-52

Подписано в печать 15.05.2012. Формат 60×90/16

Гарнитура Мipion Pro. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 17,9

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 1271. Заказ №

Отпечатано ООО «Информационные

Банковские Системы. Консалтинг»

105264, Москва, ул. 4-я Парковая, 23

Тел./факс: (499) 272-00-03

